

ИНЫЕ ЗВЁЗДЫ.
ОДИН ОФИС.
ОДНО ПРАВИЛО.

*Никаких отношений
с подчинёнными.*

квадратура
Марс-Сатурн

дедлайн —
не повод
для паники
♡

Мой ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

КАРЬЕРА • ПРАВИЛА • ЧУВСТВА • ВЫБОР

МАЙЯ ВЕРЕСК

Майя Вереск

Мой персональный конфликт

«Автор»

2026

Вереск М.

Мой персональный конфликт / М. Вереск — «Автор», 2026

Реструктуризация в один день лишает Ксению Решетову любимого отдела — и оставляет только одну свободную вакансию на её уровне: личный ассистент генерального директора. Того самого, кто подписал приказ о закрытии. Назло всему миру она соглашается — чтобы посмотреть ему в глаза и уйти, хлопнув дверью. Лев Аристов оказывается не тем самодуром, каким она его представляла: короткие фразы вместо объяснений, правило «никаких отношений с подчинёнными» — и человек за ним, однажды уже обжёгшийся на доверии. Ксения, тайно увлекающаяся астрологией, находит в их натальных картах тяжёлый аспект — и цепляется за него как за удобное объяснение своего раздражения. Но чем ближе она узнаёт Льва, тем яснее: одна квадратура ничего не решает, если рядом с трением есть и гармония. Пока за спиной разворачивается чужая, куда более разрушительная интрига, обоим предстоит выбрать: остаться за бронёй правил — или рискнуть всем ради того, что оказалось настоящим.

Содержание

Глава 1. Список на сокращение	5
Глава 2. Первая встреча в лоб	8
Глава 3. Правила игры	11
Глава 4. Ради интереса	14
Глава 5. Испытательный срок	17
Глава 6. Чужими руками	20
Глава 7. Тень отца	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Майя Вереск

Мой персональный конфликт

Глава 1. Список на сокращение

Алла Викторовна узнала о реструктуризации за пятнадцать минут до того, как о ней узнали мы все. Я поняла это по её лицу, когда она вошла в переговорную и села не во главе стола, как обычно, а сбоку, рядом с остальными. За два года я ни разу не видела её сидящей сбоку.

— Доброе утро, — сказал Лев Аристов, и в комнате стало тихо ещё до того, как он договорил дальше.

Я сидела в третьем ряду, между Дашей и координатором из отдела продаж, и вертела в руках блокнот в потрёпанной обложке — тот самый, с которым хожу на все важные встречи. На встречу с генеральным директором компании я взяла его машинально, по привычке, не успев подумать, зачем. Не пригодился.

Аристов говорил ровно семь минут. Я засекала — привычка ивент-менеджера, у нас каждая презентация идёт по хронометражу, и я считаю секунды даже там, где это уже не моя работа. Он сказал слово «оптимизация» четыре раза, слово «синергия» — один, и ни разу не сказал слово «сокращение». Отдел спецпроектов, в котором я проработала пять лет, объединяли с отделом маркетинга. Руководителем нового объединённого направления назначался человек из маркетинга. Алла Викторовна, при которой я выросла из младшего специалиста в старшего стратега, при которой я поняла, что такое хороший бриф и плохой клиент, уходила по соглашению сторон — так это называлось в бумагах, которые нам не показывали, но о которых все уже знали.

Даша толкнула меня локтем.

— Ты в порядке?

— Я считаю секунды, — сказала я. — Это помогает не думать о содержании.

После собрания в коридоре образовалась пробка из людей, которые делали вид, что не обсуждают только что услышанное. Я подошла к Алле Викторовне у автомата с водой.

— Вы знали?

— Узнала сегодня в восемь утра. — Она налила воды, не расплескав ни капли, хотя руки у неё, кажется, немного дрожали. — Ксюша, не устраивай сцену. Здесь три человека, у которых будет что рассказать HR к обеду.

— Мне плевать, что они расскажут.

— А мне нет. — Она посмотрела на меня спокойно, без той теплоты, которая обычно была у неё в глазах, когда она со мной разговаривала. — Я пять лет учила тебя не путать принципиальность с саботажем собственной карьеры. Не начинай сейчас.

Я промолчала, потому что возразить было нечего, и потому что за это спокойствие мне хотелось её одновременно обнять и встряхнуть.

К обеду выяснилось, что «объединение отделов» касается почти всех, кто работал под началом Аллы Викторовны, кроме двух человек, которых забирали напрямую в маркетинг. Я в их число не входила. Мне позвонили из HR и попросили зайти в конце дня — «обсудить дальнейшие варианты», как выразилась сотрудница отдела кадров, явно читая с бумажки.

Вариант оказался один.

— У нас закрылась позиция личного ассистента генерального директора, — сказала HR-менеджер Оксана, разворачивая ко мне монитор с открытой карточкой вакансии. — Это ваш грейд. Единственная открытая вакансия в компании на вашем уровне на сегодняшний день.

— Личный ассистент, — повторила я. — После пяти лет спецпроектов.

— Функционал шире, чем звучит название. Организация встреч, координация с советом директоров, частично — event-часть корпоративных мероприятий. Ваш опыт там пригодится.

— Мой опыт нужен там, где я строю кампании, а не там, где я подаю кофе.

Оксана посмотрела на меня устало — так смотрят люди, которым за день пришлось произнести одну и ту же фразу пятнадцать раз подряд разным людям.

— Ксения, я не буду вам врать: альтернатива — сокращение с компенсацией по закону. Два оклада. Вы можете взять время подумать до завтра.

Мне не нужно было время до завтра. Мне нужно было пять минут, чтобы понять, что произошло: человек, который два часа назад одним словом «оптимизация» разрушил отдел, в котором я выросла как профессионал, теперь предлагал мне единственную оставшуюся дверь — прямо в свой собственный кабинет.

Я не думаю, что решение созрело у меня в голове рационально. Оно было почти физическим — как реакция на пощёчину, которую хочется вернуть, а не обдумать.

— Я согласна, — сказала я.

— На личного ассистента?

— На собеседование с генеральным директором. Раз уж это он всё это устроил, пусть сам объяснит мне, зачем ему в кабинете человек, который считает, что реструктуризация — это красиво упакованное слово для «мы решили пожертвовать вами».

Оксана моргнула, но записала что-то в календарь.

— Собеседование завтра в десять. Я предупрежу его секретаря.

Вечером я позвонила Даше.

— Ты с ума сошла, — сказала она без предисловий, потому что новости в нашем офисе распространяются быстрее, чем HR успевает закрыть дверь переговорной. — Личный ассистент Аристова. Ты хоть знаешь, что там до тебя было три человека за два года?

— Три за два года — это неплохая статистика выживаемости, если сравнивать с некоторыми отделами.

— Ксень, я серьёзно.

Я легла на диван, не снимая рабочей одежды, и уставилась в потолок.

— Даша, я не знаю, зачем я это сделала. Кажется, я хотела посмотреть ему в лицо и сказать всё, что думаю, прежде чем уйти отсюда навсегда. А потом Оксана назначила собеседование, и я поняла, что теперь мне придётся сначала пройти это собеседование, а уже потом решать, уходить мне или нет.

— Это называется «действовать назло», если тебе нужен точный термин.

— У меня есть точный термин. — Я вспомнила свою тетрадь, которая лежала в сумке рядом с диваном, ту самую, с рукописными натальными картами моей мамы, лучшей подруги и один раз — бывшего партнёра. — Просто я не хочу его сейчас произносить вслух, потому что тогда придётся признать, что я снова делаю глупость по одной и той же схеме.

— Какой схеме?

— Сначала действие, потом объяснение самой себе, почему это было разумно.

Даша засмеялась, и я почти услышала, как она качает головой на другом конце провода.

— Ладно. Только обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Что если завтра он окажется таким же самодуром, каким выглядит на общих собраниях, ты просто встанешь и уйдёшь. Без сцен. С достоинством.

— Обещаю, — сказала я, зная уже тогда, что вряд ли сдержу это обещание в его буквальном виде, хотя ещё не представляла, насколько.

Я не спала почти до двух часов ночи, прокручивая в голове семь минут его речи. Слово «оптимизация» звучало во мне четыре раза, как метроном, который не хочет останавливаться.

Я думала об Алле Викторовне, сидящей сбоку от стола вместо во главе. О том, что завтра мне предстоит зайти в кабинет человека, который одним росчерком подписи решил, что мой отдел больше не нужен компании в прежнем виде — и что я, кажется, только что сама, добровольно, назло всему миру, попросила впустить меня в этот кабинет на постоянной основе.

Я не знала тогда, что его дата рождения — второе января — станет для меня чем-то большим, чем строчка в кадровом документе. Я вообще ничего не знала о нём, кроме того, что он говорит ровно, не суетится и умеет за семь минут разрушить то, что строилось пять лет.

Этого было достаточно, чтобы не спать.

Глава 2. Первая встреча в лоб

Кабинет генерального директора находился на девятом этаже, там, где заканчивался операционный коридор с закрытыми дверями и хорошим ковровым покрытием. Я пришла на пять минут раньше и всё равно ждала под дверью почти четверть часа — секретарь, молодой парень по имени Игорь, извинялся каждые три минуты, но ничего не мог поделать.

— У него сдвинулся созвон с советом директоров, — сказал он в третий раз. — Ещё пять минут.

Я успела прочитать три раза одну и ту же строчку в своих заметках к собеседованию — заметках, которые я написала скорее для себя, чтобы структурировать раздражение, чем для реального использования. «Спросить про функционал. Спросить про полномочия. Не спрашивать про мотивы реструктуризации» — последний пункт я вычеркнула ещё дома, зная, что не удержусь.

Когда дверь открылась, Аристов вышел проводить кого-то из совета директоров — пожилого мужчину, которому пожал руку тепло и доверительно, так жмут руки только люди, проработавшие вместе много лет. Аристов кивнул, сказал что-то короткое, и, только когда мужчина скрылся в лифте, повернулся ко мне.

Вблизи он оказался выше, чем на трибуне общего собрания. Костюм сидел безупречно — ни одной лишней складки, ни одной расстёгнутой пуговицы, которая намекала бы на неформальность.

— Решетова, — сказал он вместо приветствия, глядя не на меня, а на папку в своих руках. — Проходите.

Кабинет оказался скромнее, чем я представляла: стол, два кресла для посетителей, полка с папками — ни одной личной вещи, если не считать фотографии в рамке, повернутой так, что была видна только её обратная сторона. Я отметила это и вопроса не задала: знать хотелось, но было ясно — первый же личный вопрос на собеседовании оборвёт разговор раньше, чем он начнётся.

— Садитесь, — сказал он, и я села.

Он открыл папку — мой файл, судя по всему, — и пролистал несколько страниц, не глядя на меня. Молчание длилось секунд тридцать, и за это время я успела разозлиться ровно настолько, чтобы решить: если он и дальше собирается разговаривать с папкой, а не со мной, я не намерена делать вид, что мне это нравится.

— Пять лет в отделе спецпроектов, — сказал он наконец. — Последний крупный проект — коллаборация с брендом одежды на фестивале в июне. Хорошие цифры.

— Спасибо.

— Вы претендуете на позицию личного ассистента.

— Формально да.

Он поднял глаза от папки — впервые за весь разговор — и я поняла, что слово «формально» он расслышал именно так, как я хотела: как заявление о позиции, а не как случайную оговорку.

— Неформально?

— Неформально я здесь, потому что вы закрыли единственный отдел, где я работала последние пять лет, и предложили мне единственную оставшуюся альтернативу компенсации. Я не претендую на эту должность, потому что мечтала о ней. Я претендую, потому что альтернатива — уйти совсем, а я ещё не решила, хочу ли я уходить.

Секунду он смотрел на меня без выражения — так смотрят на отчёт, в котором цифры не сходятся, но причина пока не ясна. Потом закрыл папку.

— Вы говорите это на собеседовании на должность личного ассистента у человека, который подписал ваше сокращение.

— Вы спросили. Я не вижу смысла врать вам в лицо в первые же пять минут — вы всё равно быстро это заметите, и тогда доверия будет меньше, чем сейчас.

— Логично, — сказал он, и я не поняла, было ли это согласием или просто фиксацией факта.

— Могу я задать вопрос?

— Задавайте.

— Зачем вам ассистент, который только что сказал вам в лицо, что не в восторге от вашего решения?

Он откинулся на спинку кресла — единственное движение за весь разговор, которое не выглядело функциональным.

— Три предыдущих ассистента продержались от трёх недель до четырёх месяцев. Все трое соглашались со мной по любому вопросу с первого дня. Ни один не продержался дольше четырёх месяцев.

— Может, дело не в согласии.

— Может быть, — сказал он. — Но пока это единственная переменная, которую я не пробовал менять.

Я не нашлась с ответом сразу, и в этой паузе он снова открыл папку — но теперь, кажется, действительно читал, а не просто листал.

— Реструктуризация отдела спецпроектов была решением совета директоров, основанным на показателях эффективности за два года, — сказал он, не поднимая головы. — Я не собираюсь оправдываться перед вами за бизнес-решение. Но если вас интересует моё личное мнение: Алла Викторовна была одним из лучших руководителей среднего звена в этой компании, и я голосовал за альтернативный вариант, который её сохранял. Меня переголосовали.

Это было последнее, что я ожидала услышать. Я почувствовала, как что-то внутри меня — раздражение, приготовленное для длинного монолога о корпоративной логике — растерялось и не успело перестроиться.

— Вы могли не говорить мне этого.

— Мог. — Он закрыл папку окончательно. — Но вы только что продемонстрировали, что цените честность больше, чем комфортную ложь. Было бы странно требовать этого от вас и не соответствовать самому.

Повисла тишина, в которой я пыталась понять, что только что произошло, и не находила ответа. Мне нужно было либо встать и уйти — с достоинством, как я обещала Даше, — либо остаться и признать, что человек напротив меня не укладывается в ту простую конструкцию, которую я построила для него за одну бессонную ночь.

— Функционал позиции, — сказала я вместо того, чтобы делать что-то из двух вариантов. — Что конкретно входит?

Он перечислил: координация календаря, подготовка к встречам совета директоров, частично — организационная поддержка корпоративных мероприятий, работа с внешними подрядчиками по протокольным вопросам. Я слушала и параллельно считала, сколько из этого пересекается с моими прежними обязанностями — процентов тридцать, оценила я, остальное было для меня новым полем.

— График ненормированный, — закончил он. — Я не считаю часы, которые люди проводят в офисе, я считаю результат. Но результат в этой должности требует доступности.

— Я работала в спецпроектах пять лет. Ненормированный график — это не открытие.

— Хорошо. — Он посмотрел на часы, потом снова на меня. — У меня есть ещё один вопрос, прежде чем мы закончим.

— Слушаю.

— Вы уверены, что хотите работать под началом человека, который, по вашему мнению, только что разрушил ваш отдел?

Я думала об этом всю ночь и весь день, и у меня всё ещё не было хорошего ответа — только честный.

— Нет, — сказала я. — Не уверена. Но я уверена, что не хочу уходить из этой компании из-за решения, за которое, как выяснилось, вы сами голосовали против.

Что-то произошло с его лицом — не улыбка, ничего настолько явного, скорее едва заметное смещение в мышцах вокруг глаз, доля секунды, за которую ледяная ровность, с которой он держался весь разговор, дала трещину. Он на мгновение перестал контролировать собственное лицо — и тут же взял себя в руки так быстро, что, моргни я в этот момент, пропустила бы это полностью.

— Игорь пришлёт вам оффер сегодня до конца дня, — сказал он, вставая. — Начало — с понедельника.

Я тоже встала, всё ещё пытаюсь понять, что означало то мгновение на его лице. Не облегчение. Не удивление в чистом виде. Что-то ближе к узнаванию — похоже, он услышал в моём ответе то, что раньше слышал только от себя самого.

— Спасибо, — сказала я и, уже подходя к двери, не удержалась: — Можно последний вопрос?

Он посмотрел на меня, ожидая.

— Фотография у вас на столе. Она стоит лицом от вас. Это случайность?

Пауза, которую он выдержал перед ответом, длилась дольше, чем весь остальной разговор.

— Нет, — сказал он. — Не случайность.

Больше он ничего не добавил, и по тому, как он произнёс это единственное слово, я поняла: продолжения не будет ни сегодня, ни в ближайшее время. Я вышла из кабинета с оффером, которого не ожидала получить, с чувством, что только что выиграла спор, который сама не планировала вести, и с одним необъяснимым мгновением на его лице, которое я весь оставшийся день пыталась и не могла забыть.

Глава 3. Правила игры

В понедельник я пришла на девятый этаж за двадцать минут до начала рабочего дня и всё равно оказалась второй. Аристов уже сидел за столом, когда Игорь провёл меня в приёмную рядом с кабинетом — маленькую комнату с моим новым рабочим местом, календарём на стене и стопкой папок, подписанных «на согласование».

— Он обычно приходит к восьми, — сказал Игорь, забирая свои личные вещи из ящика стола, который теперь становился моим. — Уходит редко раньше девяти вечера. Обедать как такового нет — либо на встрече, либо сэндвич за столом за двенадцать минут.

— Двенадцать?

— Засекал. — Игорь пожал плечами без тени иронии. — Он очень собранный человек.

Дверь кабинета открылась, и Аристов вышел, уже без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами — единственное отступление от вчерашней брони костюма, которое я видела.

— Решетова. Зайдите на пять минут.

Я взяла блокнот и вошла следом. Кабинет при дневном свете выглядел иначе, чем на собеседовании — обычнее, будничнее, и в этой будничности была своя информация: ни одной случайной вещи, ни одного предмета не по делу, кроме фотографии, всё так же стоящей лицом от него.

— Правило первое, — сказал он, оставаясь на ногах, словно не планировал задерживаться дольше пары фраз. — Я не люблю пересказ. Если вы принесли мне вопрос, у вас должен быть готов вариант ответа — свой, а не «как скажете».

— Логично.

— Правило второе. Если вы не согласны с решением, вы говорите это один раз, аргументированно, и один раз слушаете мой ответ. После этого решение выполняется — независимо от того, убедил я вас или нет. Не потому что я всегда прав, а потому что компания не может работать, если каждое решение пересогласовывается бесконечно.

— А если решение окажется ошибочным?

— Тогда мы его меняем. Но меняем на основании результата, а не на основании того, кто громче спорил в момент принятия.

Я записала это в блокнот, хотя забыть не боялась — просто жест давал мне время подумать, прежде чем отвечать.

— Правило третье, — продолжил он. — Я работаю с фактами. Если вы приносите мне мнение, обозначайте его как мнение. Если приносите цифры — они должны быть проверены дважды, прежде чем попадут на этот стол.

— У меня пять лет опыта в спецпроектах. Я умею проверять цифры.

— Знаю. Поэтому вы здесь, а не потому что вы согласны со мной чаще, чем предыдущие три ассистента.

Он сел наконец, взял со стола первую папку из стопки и протянул мне.

— Совет директоров в четверг. Нужна презентация по показателям квартала — двенадцать слайдов, без воды, факты и выводы. У маркетинга есть черновик, но он написан для внутренней отчётности, а не для совета. Переделайте под аудиторию.

— К какому сроку?

— Среда, восемнадцать ноль-ноль. Я должен успеть посмотреть до утра четверга.

Я взяла папку и вышла в приёмную, чувствуя себя странно — не из-за сложности задачи, а потому что впервые за пять лет мне поставили её так коротко, без предисловий о том, «насколько это важно» и «постарайтесь, пожалуйста». Просто задача, срок, ожидаемый результат.

К обеду я успела прочитать черновик маркетинга дважды и понять, что Аристов был прав: документ писался людьми, которые хотели показать друг другу, что поработали, а не советом директоров, которому нужно было пятнадцать секунд на слайд, чтобы принять решение. Я начала переписывать структуру с нуля.

В два часа он вызвал меня снова — короткий вопрос по календарю, встреча с подрядчиком по звуковому оборудованию для корпоративного мероприятия в декабре. Я заметила на его столе документ с личными данными — стандартная форма для оформления доступа в переговорную комнату совета директоров, которую подписывают все топ-менеджеры компании. Дата рождения стояла крупным шрифтом рядом с фамилией: 02.01.

Я не собиралась запоминать. Но я запомнила — так, как запоминаешь номер машины, мелькнувшей перед глазами, без всякого умысла, просто потому что мозг фиксирует цифры машинально, а потом почему-то не отпускает их.

— Второе января, — сказала я вслух, уже выходя из кабинета, и тут же остановилась, не понимая, зачем произнесла это.

— Что? — спросил он, не поднимая головы от экрана.

— Ничего. Просто вспомнила, что нужно уточнить дату мероприятия по звуку.

Он не стал переспрашивать, а я вышла в приёмную и села за свой новый стол с ощущением, что сделала что-то, чего делать не следовало — хотя формально не сделала ровным счётом ничего. Просто прочитала цифру в документе, который лежал на столе открыто, никто её не прятал, не подглядывала специально. И всё же ощущение было точным, словно я взяла чужую вещь без разрешения.

Даша написала мне в обед.

— Ну как первый день с ледяным королём?

— Он не ледяной. Он собранный. Это разные вещи.

— Ксень, три ассистента за два года.

— Может, они не выдерживали его собранности, а не холода.

— Или ты уже начинаешь его защищать через шесть часов работы, что тоже показательно.

Я не ответила на это сообщение, потому что не была уверена, что могу возразить убедительно.

Оставшиеся два дня я доводила презентацию до готового вида между другими задачами, и к среде, ближе к назначенным восемнадцати ноль-ноль, закончила черновик и решила отнести его лично, а не отправлять по почте — хотела увидеть реакцию сразу, а не ждать комментариев на следующий день. Дверь кабинета была приоткрыта. Аристов стоял у окна, спиной ко мне, с телефоном у уха, и говорил тем же ровным тоном, что и весь день, но что-то в его позе — плечи чуть выше обычного, свободная рука сжата в кулак вдоль тела — не совпадало с голосом.

— Я понимаю ваши опасения, — говорил он. — Но решение принято, и мы его придерживаемся. Это не предмет для обсуждения.

Он положил трубку и постоял ещё секунду, глядя в окно, прежде чем повернуться и заметить меня в дверях.

— Простите, — сказала я. — Не хотела мешать.

— Заходите. Презентация?

Я протянула папку, стараясь не показать, что видела то, что видела — не разговор, содержание которого меня не касалось, а тот короткий момент несовпадения между голосом и телом, который, кажется, не предназначался для посторонних глаз.

Он пролистал слайды быстро, но внимательно — я видела, как двигаются его глаза по строчкам, не скользя, а действительно считывая.

— Хорошо, — сказал он наконец, и в его устах это слово прозвучало едва ли не как оvação после трёх лет молчания. — Один момент. Слайд восемь — цифры по региональным продажам. Уточните, это с учётом сезонной корректировки или нет?

— Без. Могу пересчитать с корректировкой к утру.

— Пересчитайте оба варианта. Совет любит спорить о методологии больше, чем о содержании.

Я кивнула и уже развернулась к двери, когда он произнёс, всё так же не поднимая головы от папки:

— Решетова.

— Да?

— Хорошая работа для первого дня.

Это была не похвала в привычном смысле — ни улыбки, ни интонации, которая бы указывала, что фраза должна была греть. Просто констатация, произнесённая тем же тоном, каким он говорил про сезонную корректировку. И всё же, выходя из кабинета, я поймала себя на том, что иду немного увереннее, чем входила.

Дома вечером я достала свою тетрадь — привычка, которую я не афиширую никому, кроме Даши, и то не в подробностях: строить натальные карты близких людей, вписывать в них не столько предсказания, сколько наблюдения, которые почему-то легче формулировать языком астрологии, чем языком психологии. Я открыла страницу с мамой, полистала карту лучшей подруги, задержалась на старой странице бывшего партнёра — три года отношений, закончившихся без драмы, но с осадком, который иногда всплывал в такие вечера, как этот.

Я не стала строить карту на Аристова. В тот вечер — ещё нет. Но цифра «02.01» продолжала крутиться в голове, вписываясь куда-то в ту часть сознания, которая помнит номера машин без всякого умысла и не отпускает их обратно.

Я закрыла тетрадь и легла спать, думая не о презентации, не о правилах игры, которые он озвучил утром, а о том коротком несовпадении между его голосом и его плечами — о том, что где-то за этой собранностью и короткими фразами есть человек, который умеет злиться, но не позволяет себе показывать это никому, включая, кажется, самого себя.

Глава 4. Ради интереса

Вторник прошёл без происшествий, если не считать происшествием то, что Аристов дважды сказал «спасибо» — оба раза буднично, не глядя на меня, но я всё равно отметила это про себя, как отмечают перемену погоды: не событие, но факт, достойный внимания.

Вечером я вернулась домой позже обычного — задержалась из-за подрядчика по звуку, который перепутал даты в смете, и пришлось созваниваться, пока не нашли ошибку. Разогрела вчерашний ужин, налила себе чай вместо привычного вечернего кофе — призналась себе, что это, кажется, случайность, а не что-то, о чём стоит задумываться, — и села на диван с тетрадью.

Тетрадь я завела ещё в институте, на первом курсе, когда подруга по общежитию научила меня строить простейшие натальные карты по таблицам из старого справочника. С тех пор справочник сменился программой в телефоне, которая считает всё за секунды, но тетрадь осталась ритуалом: я всё равно переписываю ключевые точки карты от руки — цифры, прошедшие через пальцы, почему-то значат для меня больше, чем цифры на экране.

Карта мамы была на пятой странице — я строила её три раза за десять лет, каждый раз что-то уточняя. Карта Даши — на двенадцатой, с пометкой на полях «Меркурий в Близнецах — вот почему она не может ни минуты молчать», сделанной в шутку, но не без доли правды. Была страница бывшего партнёра — Артёма. Три года отношений, закончившихся тихо, без криков и хлопанья дверьми — просто со временем стало ясно, что он устал быть на втором месте после моей работы, а я не была готова поставить его на первое.

Я никогда не строила карты клиентам или коллегам. Это было принципиально личное дело — что-то вроде дневника, только зашифрованного языком, который я освоила задолго до того, как научилась формулировать чувства словами напрямую.

В тот вечер я не планировала строить карту на Аристова.

Но телефон был в руке, приложение — открыто на середине экрана после того, как я проверяла гороскоп на завтра для себя (привычка, за которую мне было бы стыдно признаться коллегам, но не Даше), и цифра «02.01» всё ещё сидела где-то на периферии сознания с понедельника.

— Ради интереса, — сказала я вслух, обращаясь то ли к тетради, то ли к самой себе, и ввела дату.

Год рождения я не знала точно, но вычислила приблизительно — тридцать девять лет, значит, где-то в районе тысяча девятьсот восемьдесят седьмого. Для аспектов внутри карты точный год не всегда критичен, если известны день и месяц: медленные планеты, дольше двигающиеся по знакам, зависят от года сильнее, чем быстрые, но общий рисунок характера считается и без абсолютной точности.

Карта построилась за несколько секунд.

Я смотрела на экран дольше, чем нужно было для простого любопытства.

Марс в Овне — ожидаемо, прямолинейность и напор, которые я видела в его манере говорить короткими фразами без лишних слов. Сатурн в Козероге — тоже ожидаемо для человека, который вырос сыном основателя компании и в двадцать пять лет стал заместителем отца: дисциплина, ответственность, страх подвести систему, которая на тебя рассчитывает.

Я почти закрыла приложение, когда заметила то, что заставило меня отложить телефон и взять калькулятор для перепроверки — не потому что не доверяла программе, а потому что не доверяла себе: слишком быстро, слишком удобно совпадение выглядело правдой, которую хочется найти.

Марс в моей карте стоял в Раке, в двенадцатом градусе. Его Сатурн в Козероге — в четырнадцатом.

Квадратура. Марс — Сатурн. Один из самых обсуждаемых, самых тяжёлых аспектов в синастрии — там, где я его читала, писали одно и то же разными словами: столкновение импульса и ограничения, желания действовать здесь и сейчас против структуры, которая требует терпения и правил. Аспект, который классически описывают как источник постоянного трения — не разрушительного само по себе, но требующего осознанной работы, иначе превращающегося в бесконечный цикл раздражения одного о другого.

Я откинулась на спинку дивана и уставилась в потолок так же, как в понедельник вечером, только теперь мысли ходили по другому кругу.

Разумеется, я понимала: это ничего не доказывает. Синастрия — не приговор, не диагноз, не научный факт, который можно предъявить в суде как улику. Это язык метафор, которым я пользовалась годами, чтобы разговаривать сама с собой о вещах, для которых у меня не находилось других слов. Квадратура Марс-Сатурн не объясняла, почему я согласилась работать личным ассистентом человека, который закрыл мой отдел. Она просто давала форму тому раздражению и той необъяснимой напряжённости, которые я ощущала рядом с ним весь понедельник.

И всё же я записала находку в тетрадь — на новой странице, впервые заведённой на человека, который не был ни родственником, ни другом, ни бывшим партнёром. Просто коллега. Просто начальник. Написала дату — второе января, приблизительный год, аспект, и рядом короткую пометку: «трение, требующее структуры. Проверить трин/секстиль отдельно — рано делать выводы».

Написав это, я почувствовала лёгкое раздражение на саму себя. Пять лет профессионального опыта учили меня не делать выводов по одному показателю, будь то маркетинговый отчёт или человек. Один тяжёлый аспект в синастрии значил не больше, чем одна плохая цифра в квартальном отчёте — контекст решал всё, а у меня контекста было катастрофически мало: три дня знакомства, семь минут его речи на общем собрании и один короткий разговор о фотографии, которая стоит лицом от него.

Телефон завибрировал — сообщение от Даши.

— Как первые дни с ледяным королём? Уже придумала ему прозвище получше?

Я посмотрела на страницу в тетради, на слово «квадратура», написанное моим собственным почерком, и решила не отвечать честно.

— Нормально. Работает как машина, но справедливо.

— Звучит скучно.

— Звучит профессионально, — написала я и отложила телефон, не желая продолжать разговор, который неизбежно свернул бы к вопросам, на которые у меня пока не было ответов даже для себя самой.

Я закрыла тетрадь, но прежде чем убрать её в ящик, ещё раз пролистала страницу с новой картой. Аспект не исчезал от того, что я на него не смотрела — так же, как не исчезало ощущение, что где-то за выверенными правилами игры, которые Аристов озвучил в понедельник, скрывается что-то более сложное, чем простая иерархия начальник-подчинённый.

Ложась спать, я поймала себя на мысли, которая показалась мне почти нелепой в своей детской прямоте: хочется ли мне, чтобы карта оказалась права? Чтобы трение между нами объяснялось не только моей уязвлённой гордостью после закрытия отдела, а чем-то более структурным, более неизбежным — тем, что сняло бы с меня часть ответственности за собственное упрямство.

Я не ответила себе на этот вопрос. Слишком рано было отвечать на вопросы, которые я сама себе ещё толком не сформулировала.

Утром, идя на работу, я думала не о слайдах для совета директоров и не о смете подрячка по звуку, а о двенадцатом градусе своего Марса и четырнадцатом градусе его Сатурна

— двух цифрах, которые, вероятно, ничего не значили, но почему-то отказывались выходить у меня из головы.

Глава 5. Испытательный срок

Конфликт случился в четверг, за два часа до совета директоров, и начался с одной цифры на десятом слайде.

— Здесь ошибка, — сказал Аристов, ткнув пальцем в экран. — Прирост по региональным продажам девять процентов, а не двенадцать.

— Не ошибка. — Я подошла ближе, разворачивая ноутбук к себе, чтобы показать методологию. — Двенадцать процентов — это годовая динамика. Девять — это то, что дал бы вам маркетинг, если бы считал квартал к кварталу без учёта сезонности прошлого года, когда у нас был провал из-за смены поставщика оборудования.

— Совет директоров привык видеть квартал к кварталу.

— Совет директоров привык видеть цифры, которые выгодно подать. Это не значит, что они самые честные.

Он посмотрел на меня так же, как в кабинете в понедельник, — без выражения, оценивающе, взвешивая, стоит ли продолжать спор или проще исправить самому.

— У вас есть пять минут до совета. Обоснуйте цифру или меняйте на консервативную.

— Двенадцать процентов честнее, — сказала я. — И я могу это доказать за три минуты, а не за пять.

Я развернула ему таблицу с исходными данными, показала провал квартала год назад, объяснила, почему сравнение квартал к кварталу в этом конкретном случае искажает картину сильнее, чем помогает. Говорила быстро, без пауз на то, чтобы смягчить формулировки — привычка, оставшаяся с презентаций для требовательных клиентов, где на объяснения дают ровно столько времени, сколько нужно по делу, и ни секундой больше.

Он слушал, не перебивая, лицо оставалось таким же непроницаемым, как всегда, но я видела, как двигаются его глаза по таблице — тот же паттерн, что я заметила в среду вечером над презентацией: не скольжение, а реальное считывание.

— Оставляем двенадцать, — сказал он, когда я закончила. — Но добавьте сноску с методологией на этот же слайд. Кто-то из совета обязательно спросит.

Он не сказал «вы были правы». Не сказал «хорошая работа», как в среду вечером. Просто закрыл вопрос и перешёл к следующему слайду — не отметив ни своей уступки, ни моей правоты. Для него, судя по всему, это была рядовая часть рабочего процесса, а не столкновение, в котором один из нас должен был отступить.

Совет директоров собрался в переговорной на девятом этаже, и я сидела сбоку, там же, где неделю назад сидела Алла Викторовна на общем собрании — совпадение, которое я отметила про себя с горьким привкусом. Аристов вёл презентацию сам, коротко, без лишних слов, точно как обещал в понедельник — минимум пересказа, максимум фактов.

Когда дошли до десятого слайда, пожилой мужчина из совета — тот самый, которого Аристов провожал после моего собеседования — задал вопрос про методологию расчёта прироста.

— Здесь учтена сезонная корректировка, — ответил Аристов и, не поворачиваясь ко мне, добавил: — Решетова, поясните детали, если нужно.

Я не ожидала, что меня попросят говорить перед советом директоров на первой же неделе работы. Встала, объяснила разницу между квартал-к-кварталу и годовой динамикой так же, как объясняла ему два часа назад, только медленнее и без той резкости, которую позволяла себе один на один.

— Разумный подход, — сказал пожилой мужчина, кивнув. — Продолжайте.

Аристов вернулся к следующему слайду без единого слова комментария по поводу того, что произошло — ни благодарности, ни подтверждения, что решение оказалось верным. Он

просто пошёл дальше: для него это была не победа в споре, где он мог настоять на своём и не настоял, а обычный рабочий момент, ничем не примечательный.

После совета, когда все разошлись, я осталась собрать ноутбук и распечатки. Он тоже задержался, складывая свои бумаги в папку.

— Вы могли просто сказать мне, что я права, — сказала я, не удержавшись.

— Я не сказал, что вы правы. Я сказал, что цифра остаётся. Это не одно и то же.

— Разница есть, только если вы собираетесь и дальше делать вид, что решение принято без учёта моей аргументации.

Он посмотрел на меня — на этот раз чуть дольше, чем требовалось для простого ответа.

— Решетова, я второй год руковожу компанией не потому что мне нравится, когда мне возражают, а потому что я умею отличать возражение по существу от возражения из принципа. Ваше было по существу. Поэтому цифра осталась.

— А если бы моё возражение было из принципа?

— Тогда бы мы использовали девять процентов, а вы бы получили замечание за то, что тратите моё время на пятиминутный спор ради спора.

Я не нашла, что на это ответить сразу, и он, воспользовавшись паузой, забрал папку и вышел из переговорной первым — не грубо, а буднично: разговор был исчерпан ровно в тот момент, когда он счёл нужным его закончить.

Даша поймала меня в коридоре через час.

— Слышала, ты спорила с ним перед всем советом директоров.

— Не спорила. Пояснила методологию, которую он попросил пояснить.

— Ксень, три предыдущих ассистента боялись рот открыть в его присутствии, а ты через неделю уже выступаешь на совете директоров.

— Может, поэтому три предыдущих продержались меньше меня.

Даша посмотрела на меня так, как смотрит человек, готовый сказать то, что я не хочу слышать, но всё равно скажет.

— Ты понимаешь, что тебе это нравится?

— Что именно?

— Не работа. То, что он с тобой спорит на равных, а не как с секретаршей.

Я не ответила, потому что ответить честно означало бы признать то, о чём я старалась не думать с вечера вторника, когда нашла квадратуру в его карте и потом полночи размышляла, хочется ли мне, чтобы она оказалась права.

— У меня испытательный срок ещё месяц, — сказала я вместо этого. — Рано делать выводы о чём бы то ни было.

— Испытательный срок для должности, — уточнила Даша. — Не для остального.

— Остального пока нет, — сказала я, зная, что произношу это скорее для себя, чем для неё, и что убедительность фразы падает с каждым разом, когда мне приходится её повторять.

Вечером, уже дома, я вспоминала фразу, которую он сказал в переговорной — про возражение по существу и возражение из принципа. Она звучала правильно, справедливо, именно так, как должен звучать хороший руководитель. И всё же за ней стояло что-то ещё: он не просто оценил мою аргументацию рационально. Он позволил мне быть услышанной перед людьми, чьё мнение о нём формирует его репутацию как руководителя — рискнул этим ради цифры, которую, вероятно, мог бы отстоять и другим способом, без моего участия.

Я не знала, было ли это доверием, привычной сдержанностью человека, который ценит факты выше эго, или чем-то третьим, для чего у меня пока не было слов — только смутное ощущение, что квадратура в его карте, о которой я старалась не думать весь день, описывала не только трение, но и то упрямое взаимное признание, которое случается, когда два человека, привыкшие настаивать на своём, вдруг встречаются друг в друге равного противника.

Тетрадь в тот вечер так и осталась в ящике стола — сознательное решение: ещё один вечер с картой в руках, и я начну искать в ней подтверждения тому, чего пока не готова была называть словами даже наедине с собой.

Глава 6. Чужими руками

Выезд на площадку назначили на пятницу — новогодний корпоратив компании планировали проводить в лофте на окраине города, и Аристов настоял на личном осмотре, прежде чем подписывать финальный договор с подрядчиком.

— Обычно этим занимается ивент-агентство, — сказала я, когда он сообщил, что едем вдвоём.

— Обычно да. Но в прошлом году агентство подписало договор на площадку, у которой не было резервного генератора, и мы час сидели в темноте посреди корпоратива для трёхсот человек. Я предпочитаю проверять сам.

Мы поехали на его машине — чёрный седан, безупречно чистый внутри, ни одной лишней вещи, кроме зарядки для телефона и пары деловых журналов на заднем сиденье. Дорога заняла сорок минут, и первые пятнадцать прошли в молчании, которое я не спешила заполнять — за две недели работы я успела понять, что он не из тех, кто нуждается в разговоре ради разговора.

— Кофе? — спросил он, притормаживая у заправки с кофейней внутри.

— С корицей, если есть.

Он кивнул и вышел, а я осталась в машине, разглядывая приборную панель и удивляясь тому, насколько по-разному выглядит человек в рабочем контексте и вне его — тот же костюм, та же собранность, но что-то в его движениях, когда он шёл к кофейне без свидетелей из офиса, было чуть свободнее.

Он вернулся с двумя стаканами — один протянул мне.

— С корицей, — сказал он. — А себе взял чай.

Я посмотрела на второй стакан удивлённо, не скрывая этого.

— Вы пьёте чай, а не кофе.

— Проблема?

— Просто не ожидала. Генеральный директор медиапродакшн-компании, который держится на кофе восемнадцать часов в сутки — это стереотип, но обычно он оправдан.

— Кофе плохо влияет на концентрацию после трёх чашек, а я выпиваю больше трёх чашек чего угодно за день, если это кофеин. Чай даёт тот же эффект без побочных явлений.

— Очень дисциплинированно.

— Я такой человек, — сказал он без тени иронии, заводя машину.

Оставшуюся дорогу мы говорили о площадке — я расспрашивала про требования к освещению, он объяснял, почему предыдущий подрядчик подвёл, и в этом разговоре, чисто деловом по содержанию, я впервые почувствовала что-то похожее на равное партнёрство: не начальник, диктующий условия ассистенту, а два профессионала, обсуждающих задачу.

— Вы работали с крупными площадками до нас? — спросил он, когда мы почти доехали.

— Фестиваль в июне на три тысячи человек. Открытая площадка, погода была главным риском проекта.

— И как справились?

— Дождь пошёл за час до начала. Мы успели перенести половину оборудования под навесы и переставить программу так, чтобы основные выступления шли позже, когда дождь стих по прогнозу.

— Прогноз оказался верным?

— На сорок минут раньше, чем обещали. Пришлось импровизировать последние сорок минут.

Он посмотрел на меня коротко, оторвавшись от дороги.

— Импровизация на глазах у трёх тысяч человек. Впечатляет.

— Или отчаяние, которое выглядело как импровизация со стороны.

— В моём опыте разница между этими двумя вещами обычно видна только тому, кто принимал решения.

Лофт оказался просторнее, чем на фотографиях в презентации подрядчика — высокие потолки, кирпичные стены, большие окна с видом на промышленный пейзаж, который при правильном освещении мог выглядеть эффектно, а мог казаться неудобным. Управляющий площадкой провёл нас по помещению, показывая розетки, входы, эвакуационные пути — тот набор вопросов, которые задают люди, для кого мероприятие уже случилось не по плану хотя бы раз.

Аристов задавал вопросы коротко и по делу: мощность электросети, резервное питание, максимальная вместимость по нормам пожарной безопасности. Я записывала ответы, отмечая для себя, что часть его вопросов совпадает с моими собственными, а часть — те, до которых я бы дошла позже, уже на этапе финального согласования.

— Резервный генератор есть? — спросил он.

— Есть, но собственный, не в аренду, — ответил управляющий. — Мощности хватит на аварийное освещение и звук, полную нагрузку он не потянет.

— Этого мало, — сказал Аристов, и я увидела, как управляющий чуть напрягся, готовясь к переговорам о более серьёзной аренде техники за отдельную плату.

— У нас есть подрядчик по генераторам с прошлого фестиваля, — сказала я. — Могу договориться о дополнительной установке к декабрю, если площадка это позволяет технически.

— Уточните до конца недели, — сказал Аристов, и на этом вопрос был закрыт — быстро, без долгих обсуждений, ровно так, как он обещал в первый рабочий день: минимум пересказа, максимум результата.

Обратно ехали, когда уже темнело. В машине было тихо, только радио играло что-то фоновое, и я, разглядывая его профиль в свете уличных фонарей, вдруг заметила то, чего не видела за две недели работы бок о бок в офисе: усталость. Не явную, не такую, которую можно было бы назвать словами при свидетелях, а ту, что проступает в едва заметном опускании плеч, когда человек уверен, что на него никто не смотрит.

— Вы в порядке? — спросила я, сама удивившись вопросу.

— Да, — сказал он, тут же выпрямляясь — судя по всему, поймав себя на том, что на секунду позволил себе расслабиться. — Почему спрашиваете?

— Просто. Долгий день.

— Обычный день. — Пауза. — Немного длиннее из-за поездки.

Я не стала настаивать, но продолжала краем глаза наблюдать за ним оставшуюся дорогу — и заметила ещё одну деталь, которую раньше не замечала: он время от времени сжимал руль чуть крепче обычного, а потом сознательно ослаблял хватку, словно ловил себя на напряжении и одёргивал.

— Тяжёлый разговор был утром? — спросила я, вспомнив короткий, но резкий телефонный звонок, который прервал наше обсуждение сметы перед выездом.

Он не ответил сразу.

— Инвестор недоволен темпами digital-направления, — сказал он наконец. — Хочет результатов быстрее, чем они физически могут появиться.

— Вы можете сказать ему это прямо?

— Могу. Но прямота с инвестором и прямота с ассистентом — разные виды прямоты, Решетова.

— Это упрёк?

— Это наблюдение, — сказал он, и что-то в его голосе смягчилось на долю тона, ровно настолько, чтобы я поняла: это была не резкость, а усталость, впервые прорвавшаяся сквозь его выдержку за две недели нашего знакомства.

Мы въехали в город, и разговор естественным образом перешёл обратно к рабочим вопросам — смета, генератор, дата финального согласования с подрядчиком. Но то короткое окно, когда я увидела не генерального директора, держащего компанию в идеальном порядке, а человека, которому тоже бывает тяжело и который не привык, чтобы это замечали, осталось со мной весь оставшийся вечер.

Дома я поймала себя на том, что рассказываю об этом дне не Даше, а самой себе, мысленно прокручивая его заново, кадр за кадром: стакан с чаем вместо кофе, короткая усталость в плечах, которую он тут же спрятал, фраза про разные виды прямоты, сказанная почти мягко.

Я не должна была это видеть. Не потому, что это было тайной в буквальном смысле, а потому, что человек вроде Аристова, судя по всему, тщательно следил за тем, чтобы никто и никогда не видел его в состоянии, отличном от полного контроля — и то, что я увидела эту трещину, пусть на секунду, ощущалось как что-то, что мне не полагалось знать.

Я всё равно знала. И весь вечер думала о том, что где-то за квадратурой и этой размеренной сдержанностью, за фразами вроде «правило первое, правило второе», прячется человек, который устаёт так же, как все, но не позволяет себе показывать это никому — и что впервые за две недели мне хотелось не победить в споре с ним, а просто узнать, чего ему стоит эта постоянная собранность.

Глава 7. Тень отца

От лица Льва

Отец учил меня одному правилу дольше, чем всем остальным вместе взятым: личное — это рычаг, за который тебя всегда могут дёрнуть. У человека наверху нет права на слабое место, которое видно другим.

Мне было двадцать два, когда он впервые показал мне это на практике, а не на словах.

Компания тогда боролась за контракт с крупным телеканалом. Переговоры вёл отец лично, и в последний момент конкурент, узнав детали через кого-то из наших, перебил условия на выгодные полтора процента. Отец вычислил источник утечки за три дня. Оказалось — его собственный заместитель, человек, с которым он проработал пятнадцать лет и которого считал почти семьёй.

— Он не был плохим человеком, — сказал мне отец в тот вечер, когда всё закончилось увольнением и разбирательством. — Просто у него была дочь с проблемами со здоровьем и долги, которые он не мог покрыть иначе. Конкуренты нашли это раньше меня.

— Ты злишься на него?

— Я злюсь на себя. Я знал про долги два года. Я решил, что личная симпатия важнее проверки. Больше я так не решу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.